

Ревило П. Оливер

ПОДБОРКА ПУБЛИКАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Запоздалые мысли о жизни после смерти

Упадок ислама

Кто за демократию?

Запоздалые мысли о жизни после смерти

Оригинал: Revilo P. Oliver, «*Afterthoughts on Afterlife*», *Instauration* magazine (August 1980)

Мы не знаем, когда, как или кем было придумано представление о жизни после смерти. Все млекопитающие инстинктивно боятся смерти, но, если они избегают своих естественных врагов и доживают до старости, то они, кажется, молча соглашаются с тихим исчезновением их ослабевшего сознания. Мы не можем предположить, что *австралопитек* или любые другие виды *человека прямоходящего* (*Homo erectus*) представляли себе какое-то возможное продление жизни после смерти, и, вопреки некоторым недавним утверждениям, маловероятно, что и неандертальцы думали о чем-то подобном. У кроманьонцев, далеких предков нашей собственной расы, должно быть, была способность к такому во-

ображению, но мы никак не можем узнать о том, во что они действительно верили.

Нам часто говорят, что похороны являются доказательством какой-то веры в загробную жизнь, но они могут быть не более чем проявлением инстинктивного уважения или привязанности к мертвецу и нежелания видеть его труп, пожраный животными. Когда имущество человека хоронили вместе с ним, возможно, было некоторое представление (как засвидетельствовано в Египте, например) о том, что эти вещи были бы полезны для него в *посмертном* существовании. Но в той же степени вероятно и то, что некоторые или многие случаи этого обычая могут указывать на появление сильного чувства частной собственности: копье, бусы или золотой рог для питья принадлежали покойнику, и никто не должен был украсть их у него после его смерти.

* * *

Когда бы люди ни пришли к тому, чтобы представлять себе продолжение жизни после смерти, вероятно, что самой старой формой этого представления была вера в то, что труп в могиле сохраняет определенную способность испытывать ощущения. Многочисленные надписи свидетельствуют о том, что даже до римских времен дожила вера в то, что вино, если влить его через отверстие могилы, будет радовать дух мертвых и даже вызывать у них опьянение. И эта самая примитивная вера дожила до сегодняшнего дня в поэзии, как у Теннисона:

*«Если даже я буду остывший прах
В склепной сырости и в пыли,
Мое сердце и там, впотьмах,
Задрожит (пусть века прошли!) —
И рванется в рдяных, алых цветах
Ей навстречу из-под земли».*

(перевод Григория Кружкова)

Когда люди представляли себе духов, неясных, призрачных и неуловимых, но не абсолютно нематериальных, подобия мертвых, в которых их сознание сохранилось, по крайней мере, на какое-то время, то этим призракам, теперь отделенным от могилы, предоставили их собственную область в подземном мире, глубоко под землей, или, более поэтически, на какой-то туманной земле по ту сторону заката. Там покойник, будь он героем или крестьянином, был автоматически и непоколебимо обречен на жалкую жизнь в смерти, как беспомощная и почти безмолвная тень, бесплотное сознание которой озлоблено (как в Некии Гомера) знанием о том, что лучше быть собакой среди живых, чем царем всех мертвых.

Трудно определить происхождение действительно революционной идеи божественного различения среди духов, так, чтобы загробная жизнь духов соответствовала в некотором роде степени морального превосходства, достигнутого человеком за время его жизни или, что лишь немного отличается, особым благоволением какого-либо бога. В своей пьесе Критий (дядя Платона) объяснял это как уловку, как прием, чтобы укрепить учение о том, что боги поддерживают человеческое общество, вознаграждая за правильное поведение, и/или наказывая за противоположное. Когда опыт сделал слишком очевидным, что Зевс Гесиода не реагирует на сообщения невидимых духов, которых он отправляет, чтобы те наблюдали даже за самыми секретными действиями людей, то есть, что праведные люди в действительности страдают несправедливо, в то время как негодяи процветают в течение долгой жизни, для законодателей стало необходимо изобрести понятие жизни после смерти, в которой Зевс, наконец, сможет вершить свой суд над людской моралью.

Бесспорно то, что, если многочисленное население действительно верит в неизбежность правосудия после смерти, то страх перед заслуженным наказанием до некоторой степени предотвратит преступления против общества. И именно эта социальная полезность этого мифа привлекла к нему многих вдумчивых людей, которые сами не верили в него.

* * *

Полное представление о бессмертии всегда включает нечто большее, чем просто существование после смерти. Никто не хочет бессмертия Тифона.

Если божественное правосудие существует, то оно должно сделать нечто большее, чем установить различие среди духов и определить *посмертное* место проживания согласно моральным критериям. Хотя мертвые в Аиде обычно пребывают в той форме, которая была у них во время их смерти (например, Деифоб и другие у Вергилия), у привилегированных обитателей Элизiums или Островов блаженных (*Beatae Insulae*), кажется, всегда есть та физическая форма, которая была у них во время их самого большого совершенства: воин находится в расцвете своего физического мастерства, независимо от того, когда или как он умер; мудрец имеет зрелость своей мудрости, но освобожден от последствий старости; а женщина, которая заработала такое бессмертие, возвращается к тому возрасту, в котором она была самой красивой.

Один из христианских апокалипсисов, составленных от имени Иоанна, устами Иисуса пообещал, что, когда наступит воскресение мертвых, то все христиане, независимо от того, умерли ли они младенцами или стариками, вылезут из своих могил в возрасте точно тридцати лет. Я думаю, что сопоставимая доктрина была в евангелии Зороастра, хотя трудно выявить что-либо определенное из *гат* или быть уверенным в их соответствующих данных. Бессмертие должно быть в расцвете жизни.

* * *

«Бессмертие» обычно означает только выживание после смерти, с неопределенной продолжительностью после этого. Понятие вечности редко продумывается до своего окончательного логического следствия, потому что просто гарантии длительной жизни в некотором комфорте после смерти уже достаточно для того, чтобы удовлетворить большинство умов.

Представление о бесконечной бессмертности создавало трудности, даже когда оно применялось к богам. В некоторых мифологиях очень долгая жизнь достаточна даже для них: норвежские боги сами умирают, по крайней мере, в Рагнарёке (Сумерках богов), некоторые (Бальдр) даже раньше. Когда Кронос был свергнут Зевсом, он действительно исчез из этого мира, но так как *di immortales* были, по определению, бессмертны, было необходимо предположить, что он был либо заключен в тюрьму в самые темные глубины подземного мира или был перевезен на Острова блаженных. Одной из причуд непоследовательной религии египтян было предоставление небесного царства, Дуата, для

мертвых богов. И в религиях мистерий, в основном ближневосточных, некоторые боги (Таммуз, Осирис, Митра, Христос) были убиты, но возрождены, будучи, таким образом, *одновременно и смертными, и бессмертными!* И в каждой религии все боги рождаются (кроме самого первого, происхождение которого невозможно предположить, не уходя бесконечно все дальше назад), таким образом, они не действительно вечны, и их существование предполагается в течение только нескольких тысяч лет, самое большее, оставляя их будущее неопределенным.

Никто на самом деле не верит в вечное существование после смерти. Разум останавливается в нерешительности перед понятием бесконечности, будь то бесконечность во времени или в пространстве. Даже индусы, которые вычислили, что нынешняя эпоха закончится, если воспользоваться нашим календарем, точно 17 февраля 428 898 года, когда вселенная (со всеми ее богами кроме Троицы-Тримурти) погибнет в космическом пожарище, верят, что старший член Троицы, Брахман, создаст другую вселенную и еще одну в процессе, который продлится в течение еще 311 035 680 000 000 лет, после которых, как они скромно признают, они не знают точно, что произойдет, за исключением того, что сама творческая сила не может погибнуть с полным разрушением всех вещей, включая высших богов. Даже они отступают перед ужасом бесконечности!

* * *

Вечное, как и бесконечное, является в действительности математическим понятием и затрагивает, конечно, хорошо известную кантианскую антиномию. Пытался ли кто-либо определить, принимает ли идея бессмертия какую-то специальную форму в арийском уме, соответствуя характерным побуждениям того, что Шпенглер называет «фаустовской душой», со страстью к тому, что неограниченно и бесконечно? И действительно ли верно, что только арийский ум (который, как я понимаю, представляет собой то, что Хаас называет *философским менталитетом*) действительно чувствует различие между вечной и очень длительной жизнью?

* * *

Вера в жизнь после смерти ни в коем случае не представляет собой арийскую особенность. Во все эпохи в истории многие арийцы, склонные к рассуждению, в результате наблюдений за процессами органической жизни убедились в том, что продолжение жизни человека после смерти невозможно, и приняли этот вывод в той же полной мере, что и Лукреций, например. Хотя стоики были в первую очередь озабочены тем, чтобы установить рациональное основание для этики, некоторые из них, особенно Панетий, который сделал больше всего для

того, чтобы стоицизм стал приемлемым для римлян, категорически отрицали возможность жизни после смерти. Даже для рационально мыслящих христиан, если они не были в настроении эмоциональной экзальтации, жизнь после смерти была *le grand peut-être* (великое «может быть»), возможностью, надеждой, а не уверенностью. И хотя исключения могут быть совсем незначительными в численном отношении, даже желание бессмертия не универсально:

*«Но все ж мы славим Бога –
Кто б ни был этот Бог -
За то, что жизнь прервется,
Что мертвый не проснется, ...»*

(английский поэт Алджернон Чарльз Суинберн, «Сад Прозерпины», перевод Георгия Бена)

* * *

Когда рациональный ум рассматривает гипотезу о жизни после смерти, ее мрачные последствия сразу становятся очевидными. Поколения людей пришли и ушли в течение многих тысячелетий, как листья деревьев, и каждый мертвец, если его дух продолжает жить после смерти, идет, «чтобы присоединиться к великому большинству» в какой-то области, население которой должно увеличиться до вызывающего ужас уровня. «О Земля! Не устала ли ты от своих могил?» И для арийского ума есть что-то отталкивающее и ужасное в перспективе стать простой единицей в какой-то обширной пролетарской массе, скученной вместе в какой-то загробной жизни, как пчелы в улье или евреи в большом гетто. Продолжать существовать после смерти только ради того, чтобы стать потерянным среди миллиардов и миллиардов роящейся толпы само по себе было бы Адом.

Арийский ум прирожденно аристократичен: если жизнь после смерти – награда, то ее нужно заслужить личным превосходством, каким-нибудь достижением, а не просто пассивными достоинствами робкого раба. Античный ум не мог бы вообразить Элизиум или Острова блаженных как убежище для множества просто безвредных существ: они были сохранены для тех немногих, кто поднялся выше стада, чтобы прославиться своей храбростью или мудростью. Норвежская Валгалла впускала воинов, которые оказались в сражении перед глазами богов, с которыми они будут жить, пока все не отправятся в бой, обреченные на то, чтобы славно сражаться в последней битве и погибнуть в Сумерках богов. О том, что произошло после смерти со злодеями и мошенниками, никто не заботился.

Это расовое чувство естественно привело к идее отборного и ограниченного бессмертия, наиболее знакомой нам из ее объяснений многими стоиками (Хрисипп и др., но не Панетий): души обычных людей испаряются в момент смерти, но души людей, которые приобрели выдающиеся качества как герои или мудрецы, остаются в какой-то области на небе (наиболее ясно изображенной в *Somnium Scipionis*, «Сне Сципиона» Цицерона) до *espyrosis*, вселенской катастрофы, мирового пожара. Таким образом, в некотором смысле, человек, который чрезвычайно одарен генетически, может создать свое собственное ограниченное бессмертие, то есть, очень долголетнее, но не вечное существование. Нет нужды особо отмечать общественные преимущества веры, которая вдохновляет великих людей служить своей нации и расе.

* * *

Самая разумная теория, которая предлагает бессмертие всем – это метемпсихоз или переселение душ (реинкарнация). Она избегает всей нелепости и отталкивающей безнравственности таких культов как христианство, и, через учение о *карме*, приводит к единственной разумной теодицее. Она не допускает детских чудес или божественного вмешательства в неизменные законы природы, но вместо этого представляет саму себя как закон природы, который одинаково действует всюду во всей вселенной точно так же, как действуют силы, которые определяют силу тяжести, химические соединения или оптические явления. Такая правдоподобная и разумная доктрина, несовместимость которой с установленными фактами нельзя показать, естественно, привлекательна для нашего расового менталитета. Есть трудность, конечно, что перевоплощенный человек не помнит свои предыдущие жизни, но предполагается, что его подсознательная сущность продолжает существовать на протяжении всех его жизней, и это обычно предполагает, что он в какое-то время вспомнит все свои предыдущие жизни, по крайней мере, те, которые он прожил в виде человека, когда «пелена невежества» упадет с его глаз. Во многих формах веры в переселение душ можно также избежать смущающего вопроса, почему загробная жизнь является привилегией ограниченного числа видов антропоидов, исключая млекопитающих, например, собак и лошадей, которые часто нравственно выше. И, что самое убедительное из всех, можно построить для каждого человека точную эволюционную последовательность от самых низких форм органической жизни до человека, от более низших рас до высших, от нравственно посредственных до нравственно высоких, и затем дальше до сверхчеловеческих существ, которые проживают, возможно, на других планетах в огромной вселенной, в которой наша земля – всего лишь атом. Метемпсихоз можно было бы назвать дарвинизмом душ, эволюцией духовных видов.

* * *

Возможно, конечно, объединить эти две доктрины, метемпсихоз и Элизиум. Самая красивая концепция бессмертия, о которой я знаю, и, конечно, та, контраст с которой показывает чрезвычайную вульгарность христианских идей, сформулирована во Второй Олимпийской песне Пиндара: после трех или шести жизней, которые человек прожил со строгой справедливостью и идеальной порядочностью, он проходит за башни Кроноса в прекрасное царство, куда нельзя добраться ни по суше, ни по морю, где слабые ветры со спокойного океана вечно веют над полями асфоделя. Для описания, см. песнь Пиндара. Если красота великой поэзии может хвалить и рекомендовать какую-то религию, то вот она.

*«Но те, кто трижды
Пребыв на земле и под землей,
Сохранили душу свою чистой от всякой скверны,
Дорогою Зевса шествуют в твердыню Крона.
Остров Блаженных
Овевается там веяньями Океана;
Там горят золотые цветы,
Возникая из трав меж сияющими деревьями
Или воспаиваемые потоками».*

* * *

Совершенно другая и очень странная для нас концепция бессмертия была разработана евреями. Первоначально, как это очевидно из почти всех рассказов в сборнике, который христиане называют «Ветхим Заветом», их расовый бог Яхве, который боролся с другими богами, чтобы помочь евреям нападать на более цивилизованные страны Ближнего Востока, ничего не мог сделать для них в момент смерти, и призрак еврея отправлялся в ужасную жизнь в смерти в Преисподней (шеол), которая, конечно, является просто Иркаллой (царством мертвых) вавилонян, от которых евреи переняли все свои космогонические мифы. Эта концепция, однако, достигла прекрасного литературного выражения в более старых частях страстной проповеди, названной «Екклесиаст». Когда евреи думали о том, чтобы присвоить себе единобожие греческих стоиков и тем самым поднять своего Яхве от племенного божества до единственного бога всего мира, некоторые еврейские секты переняли из египетских и зороастрийских культов идею Последнего суда, на котором покойники, заново собранные и восстановленные, вылезут из своих могил, и набожные евреи, возрожденные и возвращенные к жизни таким способом, были бы вознаграждены новой жизнью на земле, которая была бы значительно улучшена в результате резни большинства

гоев и порабощения остальных их назначенными богом хозяевами. Все это, однако, было второстепенно для реального чувства бессмертия, которое выходит за рамки мифологии и таким образом ощущается с равной интенсивностью многими евреями, которые конфиденциально или открыто являются атеистами. Как искренние еврейские авторы объясняют нам, еврей *чувствует* себя частью суперорганизма своей расы, для которой бог – просто персонификация. Поэтому его критерий – это то, что «хорошо для еврейского народа», и его бессмертие – бессмертие суперорганизма, в котором он – всего лишь маленький и эфемерный элемент. Можно не сомневаться в том, что эта концепция бессмертия является врожденной в расовом менталитете, хотя она и непонятна для нашей расы, для которой бессмертие, в котором отдельный человек, со всем его личным характером, мыслями и воспоминаниями не продолжает жить, кажется парадоксальной, внутренне противоречивой идеей.

* * *

Мне не требуется особо отмечать, что христианство – это просто иудаизированная переделка зороастризма, что в действительности символически показано в знаменитом мифе, в котором рождение воплощения одной трети его бога посещают зороастрийские жрецы (волхвы, *маги*). Зороастрийско-христианское понятие загробной жизни основано на радикальном религиозном новшестве, которое придумывает конфликт между добрым богом и злым богом, являющимся повелителем всех других богов в мире. Разумный человек встанет на сторону доброго бога, так как именно он должен одержать победу в конце. Когда какой-то человек начал исповедовать веру в доброго бога, то его первая обязанность состоит в том, чтобы ослабить силы конкурентов этого бога, соблазняя («обращая») верующих всех богов, кроме его собственного, чтобы эти верующие перешли на его сторону, или массово уничтожая их в священных войнах. Он также обязан уважать большинство правил поведения, которые являются общепринятыми для всех организованных обществ, и, кроме того, соблюдать еще несколько специфических правил. Он, таким образом, зарабатывает себе хорошую репутацию, как бы приобретает кредиты на небесах, но делает долги, когда он предаётся запрещенным удовольствиям. Когда он умирает, его отделившаяся от тела душа прибывает к мосту или воротам, где небесный бухгалтер консультируется с записями в своей бухгалтерской книге и допускает человека с хорошим кредитным балансом в рай, бросает должников в ад, и, согласно некоторым рассказам, предоставляет лимб (чистилище) душам, баланс которых, по его книгам, «вышел в ноль». Одной из радостей в раю будет возможность с удовольствием наблюдать за мучениями, которым будут подвергнуты несчастные должники и люди, которые даже не открыли счет в банке правильного бога. Другие радости – бесконечная праздность, очень привлекательная для при-

рожденных бездельников, у которых, по-видимому, их бессмертие не закончится даже тогда, когда им все наскучит до смерти.

* * *

Христианство, как мы знаем его, должно было первоначально быть культом, ограниченным членами расы Яхве, но во втором столетии они начали распространять его среди многонационального пролетариата Империи, которая была римской. Хотя видимость пустословия о Любви была добавлена для сентиментальных женщин и робких мужчин, но садизм и злоба, лежащие в основе этой религии, которые и делают ее настолько отвратительной, очевидны в ее концепции загробной жизни. Доступ в рай можно получить лишь с помощью глупой и не знающей сомнений веры в невероятные по самой своей сути сказки, и бурлящие пролетарские массы, которые будут переполнять небесные улицы, будут в основном обладать счастьем наблюдения за вечными страданиями людей, которые были лучше их – богатых, культурных, мудрых, образованных, родовитых, аристократов по рождению или интеллекту, правителей стран – которые, не обладая бездумной верой горчичных зерен или воробьев, навечно обрекли себя на все муки, которые только могут быть придуманы дьявольской изобретательностью.

Христианство было в основном религией для пролетариата, очень отличаясь в этом, например, от скандинавской религии, которая была откровенно аристократической. Валгалла была предназначена для героев, и только запоздалая мысль предусмотрела для женщин, даже родовитых, редко упоминаемый чертог Фрейи. А мы никогда не должны недооценивать влияние женщин. В последние дни распадающейся Империи главным конкурентом христианства был культ Митры, еще одна производная зороастризма. Этот культ, который не был более правдоподобным, но был более мужественным, просто исключал женщин. И хотя у женщин мог быть собственный культ, культ Великой матери Идеи (Magna Mater Idaea, святилище которой иногда удобно располагалось просто через улицу), они, вероятно, чувствовали себя жертвами «дискриминации» и рьяно работали на культ, который, как отметил Анатолий Франс, возвеличил женщин, сделав их грехом.

После краха Империи на западе христианство стало полезным для честолюбивых королей в северных странах. Очень немногие скандинавские короли были столь же благородны, как норвежский король Хокон I Добрый (отметьте его благодарный эпитет), который, хотя и был христианином в его юности, отказался от иностранного культа, а не навязал его своим подданным. На протяжении этого критического периода лишь немногие скандинавские короли не заметили преимущества религии, которая давала им благовидный предлог для того, что-

бы они могли расширить свою собственную власть, уничтожая независимость аристократии. Также примечательно, что короли, обращавшие свои народы в христианство, ввели практику пыток, которая была и остается противоречащей нашим расовым инстинктам и отвратительной для них. Летописи сохранили длинные и кровавые списки людей, которые под физической пыткой вынуждены были «перейти в христианство», или которые упрямо отказывались от этого унижения и честно погибли от отвратительных мучений, причиненных им реальным или напускным благочестием монарха. Еще более волнующими представляются списки людей, которые стали христианами, чтобы спасти своих сыновей от мучений, ослепления, причинения увечий или смерти. Когда вы вспомните о том, что языческий герой убивает, но никогда не мучает, тогда вы в определенной мере осознаете упадок морали, вызванный ближневосточным суеверием.

(Сказанное профессором Оливером о скандинавских королях и о крещении скандинавских народов, разумеется, относится и к другим европейцам, в т.ч. и к крещению Киевской Руси, красноречиво описанному в дошедшей до нас поговорке: «Путята крестил новгородцев мечом, а Добрыня огнем». – прим. перев.)

* * *

Примечательно, что во всех значимых концепциях бессмертия, душа, хотя, возможно, и состоит из какой-то более тонкой материи, все же материальна: она чувствует физические боли и удовольствия. В любом аду, который изобрели различные религии, мертвые страдают физически: от темноты, голода, жажды, ран, оков; в некоторых культах их жарят на огне или замораживают во льду. Во всех вариациях рая счастливицы наслаждаются чувственными удовольствиями: они могут видеть и слышать, чувствуют приятный климат, видят красивые пейзажи, могут выбрать себе хорошую еду, наслаждаться хорошей беседой, и т.п.; городские культы обеспечивают им золотые улицы и украшенные драгоценными камнями здания. Чувственные удовольствия могут стать и плотскими. Например, существует могильная надпись, в которой описываются вознаграждения, которыми покойный, как он был уверен, будет наслаждаться за свою праведность: половые органы, насколько я помню, тридцати двух женщин. В сущности, если автор одного из рассказов в «Новом Завете» достаточно хорошо знал греческий язык, чтобы писать на нем правильно, то его христиане ожидали наслаждаться счастьем неограниченной сексуальной свободы в своем раю, хотя наши мелкие торговцы спасением, естественно, думают, что целесообразнее было бы утверждать, как обычно, что слова не означают того, что они говорят. (Нынешние тенденции в церквях, однако, могут заставить их вернуться к буквальному значению.)

* * *

Различные религии, из которых мы упомянули лишь некоторые, предлагают разные концепции жизни после смерти. Одни из них более или менее правдоподобны, чем другие, а другие более или менее привлекательны. Если мы извлечем из них фундаментальный вопрос о возможности какой-то загробной жизни, мы не сможем сделать никаких выводов из распространенности желания жить сверх ограничений естественного промежутка человеческой жизни. Всякий раз, когда люди слышат о чем-то, что доставляет удовольствие их воображению, они, естественно, желают этого. И они могут жаждать того, что фактически недостижимо, как в известном примере Потоса (Пофоса; *pothos*) Александра. Действительно они обычно желают этого, и, многозначительно, они обычно жаждут того, что является не только в физическом, но также и в психологическом отношении невозможным, учитывая их собственную природу. Общерапространенное окончание сказок «и они после этого всегда жили счастливо» не только подразумевает, что главные герои никогда не будут стареть, но также и то, что они, как христиане в своем раю, будут довольны таким неизменным и статическим существованием.

* * *

Никак нельзя всерьез учитывать утверждения отдельных людей, что они, мол, ощущают или чувствуют, что они бессмертны. Если мы исключим евреев, в которых это чувство является, вероятно, биологическим, и относится, как мы заметили, к чему-то, что не является *личным* продолжением жизни, то мы не сможем избежать эпистемологической проблемы. Если есть жизнь после смерти, то и дух может сказать себе: «*Я мыслю, следовательно, я существую*», и таким образом он будет *знать*, что загробная жизнь возможна. Но ведь *только* мертвые могут знать это. Живые никогда не могут *знать*, что они будут существовать после того, как умрут. Они могут попытаться убедить себя в бессмертии, рассуждая о некоторых явлениях, о которых им говорили, очень похоже на то, как некоторые люди теперь убеждают себя, что есть жизнь на гипотетических планетах других звезд, и они могут достигнуть эмоционального состояния, названного верой, в которой они удовлетворяют себя, принимая за действительность то, что им нравится воображать. Их единственное «доказательство» бессмертия – изречение испанского философа Мигеля де Унамуну, «*Si el alma humana es inmortal, el mundo es bueno; y si no lo es, es malo*» («Если человеческая душа бессмертна, то мир хорош, а если нет, то он зол»). Но добро и зло не существуют в физической вселенной, на которую никак не влияют человеческие склонности. Действительность не может быть выведена из желания. Выражение «*Doch alle Lust will Ewigkeit*» («Но всякая радость жаждет вечности»), конечно, верно, но оно доказывает только то, что человек, который отчаивается из-за

других возможностей выживания, придумывает (как это сделали некоторые из древних стоиков, задолго до Ницше) теорию *die ewige Wiederkehr* – вечного возвращения (которая, между прочим, является довольно разумной с философской точки зрения, если вы постулируете, что время, как свет, состоит из квантов). Не может быть никакого *знания* о бессмертии; только вера, поддерживаемая более или менее эмоциональным убеждением.

* * *

Так как бессмертие, по самому своему характеру, непостижимо, то и вера в него не иррациональна *как таковая*, как, например, вера в расовое или другое человеческое равенство, в ошибочности которой можно просто удостовериться обычным ежедневным наблюдением за действительностью. Сохранять веру вопреки несомненным доказательствам противоположного – это признак иррациональности; принять какую-то веру на основе ошибочных доказательств и в отсутствие доказательств того, что она ложна, означает ошибаться, но не быть иррациональным. Некоторые люди, например, верят в загробную жизнь, потому что многочисленные люди утверждают, что видели или слышали призраков; у них недостает критического суждения, так как они не допускают ни распространности мошенничества, лжи, и галлюцинаций, ни влияния беспокойства своего собственного страха млекопитающих перед смертью, но они не иррациональны в своих рассуждениях на основании данных, которые они доверчиво и неблагоприятно приняли как подлинные.

Мы расцениваем бессмертие как суеверие, потому что нет никаких убедительных доказательств жизни после смерти, и то, что мы знаем об органических процессах и о власти человеческого воображения делает любую гипотезу о том, что человек может пережить распад своего тела, чрезвычайно невероятной. Но в самом крайнем случае мы не можем окончательно опровергнуть софистскую аналогию, что так же, как существуют невидимые и обычно неосязаемые силы, такие как радиоволны и субатомная радиация, заметные только благодаря их воздействию, так и сознание может быть произведено какой-то невидимой силой, отделимой от биологического организма, на который она влияет при определенных условиях. Мы можем думать, что это очень невероятно, но не можем доказать, что это категорически *невозможно*. Как и Аристотель, мы не можем доказать, что *душа (psyche)* или некоторая часть ее, такая как способность делать умозаключения, не *может* быть чем-то большим, чем функционированием органической жизни. Мы никогда не можем опровергнуть какую-то гипотезу, которая по ее собственным условиям не поддается эмпирической проверке. Но мы можем быть достаточно благоразумны, чтобы не принимать неподдающуюся проверке догадку за факт.

Недавняя статья в журнале *Instauration* предлагает остроумное и убедительное объяснение одного из самых решающих и озадачивающих воздействий христианства на нашу расу и цивилизацию.

Народы Северной Европы приняли христианство по нескольким причинам, из которых самой важной, по моей оценке, была Библия, которая, в отличие от других мифологий, так хорошо имитирует летопись, что кажется рассказом о событиях, произошедших на самом деле. И если ее рассказы – историческая правда, то они доказывают существование и власть капризного и свирепого бога, которого смертные должны бояться и стремиться умиротворить. Этот бог, кроме того, предложил своим преданным верующим, на условиях, которые было хоть и болезненно, но не невозможно принять, гарантированную и удобную жизнь после смерти. Наши предки, естественно, желали загробной жизни, если ее можно было получить: да и кто (кроме пресытившегося и сверхцивилизованного *декадента*) не захотел бы продлить свое существование далеко в будущее? И новая религия, неприятная, каковой она была по разным причинам, предложила то, что, казалось, было верным способом достигнуть того, чего желают все люди.

Теория переселения душ не была неизвестна скандинавам, но она была несистематической и, кажется, предусматривала то, что человек был бы рожден заново как свой собственный внук или правнук, что, очевидно, не происходило в некоторых поддающихся наблюдения случаях. По этой или по какой-то другой причине нет никаких следов реальной веры в перевоплощение в наших самых ранних источниках. Валгалла была доступна только для героев, которые погибли в сражении, и она вовсе не была раем: это был военный лагерь армии, которая намеревается с честью умереть, сражаясь за проигранное дело. И, в сущности, ни один человек, даже самый доблестный, не может быть уверен, что умрет в сражении. Если бы скандинавские дамы услышали слабый и неопределенный слух, что их души будут жить в чертогах Фрейи, богини из рода ванов, то эта перспектива не могла бы им понравиться. Все знали, кроме того, что эти мифы были мифами, отнюдь не основанными на какой-то подлинной информации и подвергавшимся изменениям, в очень широком диапазоне, по воле воображения скальдов, песни которых были поэзией, а не откровениями. Некоторые из скандинавов вполне откровенно признавали, что были атеистами. Большинство верило или считало вероятным, что Один, Тор и другие боги существовали, но никто не мог утверждать, что обладал какими-то точными и определенными знаниями о них, не говоря уже о том, что могло бы произойти с верующими в этих богов людьми после смерти. Нет никаких доказательств веры в какой-либо вид загробной жизни среди скандинавских народов, когда христианские тор-

говцы верой прибыли к ним с тем, что, как они утверждали, было хронологической записью и гарантией бессмертия. Конечно, бессмертие имело свою цену, но разве человек не заплатил бы что угодно не только за то, чтобы пережить смерть, но и вступить в жизнь, свободную от борьбы, тяжелого труда, горя и возможной неудачи жизни на земле? Для многих это искушение, должно быть, было непреодолимым.

Вот это мы можем считать само собой разумеющимся. Ценой, которую следовало заплатить за это бессмертие, однако, было поведение, которое было в разных аспектах неестественным, даже нечеловеческим. Как пронизательно замечает автор в *Instauration*, у доктрины «первородного греха» этого чужеземного культа было определенное правдоподобие в том, что люди всегда испытывают желание нарушить кодекс своего общества, независимо от того, каким бы этот кодекс ни был, и весьма часто действительно нарушают его. Но эта доктрина была навязана через подсознательное чувство арийцев, что, ради получения бессмертия, обещанного им богом, существование которого, казалось, было историческим фактом, они предавали и попирали свою собственную внутреннюю природу, налагая на себя поведение, которое отвергали их инстинкты. У них, таким образом, было чувство вины, хотя они сами не понимали почему. Не греша в глазах бога, они грешили против самих себя. Они были биологически виновны.

Из этого внутреннего раскола, делает вывод автор статьи, из реакции подсознательного ума на бесконечный конфликт между врожденной природой здорового арийца и тем поведением, которого его суеверия требовали от него, возникает невыносимое чувство вины, которое в течение пятнадцати столетий было и остается сегодня темным и чудовищным демоном в умах нашей расы.

Это объяснение кажется мне разумным и убедительным в психологическом отношении. Чувство вины увеличивалось бы пропорционально тому, как новая религия начала воздействовать на поведение, в отличие от суеверий, скандинавов, так как она делала это *постепенно*. Святые мужи, которые продавали скандинавам бессмертие, ловко скрывали от своих клиентов цену, которую, в конечном счете, потребовали бы от них. Они не только не пытались изменить установленные нормы социального поведения, но они даже придумывали разные чудеса, чтобы одобрить эти скандинавские стандарты, например, Иисус восстановил зрение слепцу так, чтобы тот смог расколоть череп врага, который оскорбил его. Лишь когда христианство прочно закрепилось, огнем и мечом, где это было необходимо, эта религия начала постепенно и все сильнее затягивать свою петлю на нашей шее, когда ее дервиши обнаружили, что еврейский бог запретил нам все больше и больше проявлений естественного поведения здоровых мужчин. Христианские уступки арийскому *моральному духу* постепенно

устранялись – некоторые были устранены только совсем недавно – и подсознательное ощущение биологической вины пропорционально усилилось. И яд, убивающий сознание, был тем более смертельным, что его ядовитость находится ниже уровня познания.

Это объясняет многое, что было озадачивающим в истории Европы – и очень многое из того, что вызывает замешательство сегодня. Это объясняет, например, безумство «либералов» и «демократов», когда они пытаются, все более неистово, навязать своей расе христианские мифы обо «всем человечестве», равенстве рас и «едином мире», когда они навязывают самим себе христианское плаксивое или злонамеренное безумное ослепление любовью ко всему, что является безродным, низшим, деградировавшим, извращенным и выродившимся. Современный «либерал» не может даже обещать себе, что Иисус зарезервировал для него просторный кондоминиум в небесной столице, но когда он неистово пытается навязать христианское суеверие миру, он знает, по крайней мере, подсознательно, что он – член высшей расы, которую он предает, нарушая свои собственные расовые инстинкты. Отсюда его безумное чувство вины; отсюда подсознательное стремление к смерти у наших сегодняшних людей, находящихся под властью христианства.

Vicisti, Galilaeae? - Победил ли ты, Галилеянин?

Август 1980 года
Ревило П. Оливер

УПАДОК ИСЛАМА

(Впервые опубликована Кевином Альфредом Стромом в журнале *National Vanguard*, январь-февраль 2003 / первая онлайн-публикация на сайте [NationalVanguard.org](http://nationalvanguard.org)
<http://nationalvanguard.org/2010/09/the-descent-of-islam/>)

Ислам, как и христианство, является, по существу, еврейским культом для *гоев*. Коран, однако, не происходит из вавилонского Талмуда. Большая часть Корана (Qur'án, «назидание» (то есть, Бога Мухаммеду)), вероятно, была составлена Мухаммедом после его хиджры, которая произошла в 622 году. Вавилонский Талмуд был, вероятно, впервые собран в шестом столетии, и большая часть этой кучи грязи датируется намного более поздним временем, хотя, естественно, с фальшивыми претензиями на большую старину. Он возник, конечно, из гноящегося менталитета евреев, и, хотя очень маловероятно, что какая-либо часть Талмуда как такового могла быть известна евреям в Аравии, которые вли-

яли на Мухаммеда, у них, естественно, был менталитет их расы, поэтому неудивительно, что в Коране есть два или три пассажа, которые более или менее близко соответствуют пассажам в Талмуде.

Более правильно было бы классифицировать ислам как христианскую секту или группу сект, так как слово 'христианский' правильно обозначает все неисчислимы секты, которые приписывают божественность Иисусу, являющемуся главным героем «Нового Завета», хотя между конкурирующими сектами, естественно, существует большая враждебность, ведь каждая из этих сект утверждает, что именно она представляет «истинную религию» и даже пытается отрицать эпитет 'христианский' по отношению ко всем своим конкурентам в бизнесе спасения. Это верно, что Мухаммед утверждал, что он был преемником еврейского Иисуса, кого он, как и христиане, расценивал не как Христа (Мессию) в строгом смысле этого слова (то есть, как назначенного Богом царя, который должен был привести евреев к мировому господству), но как Спасителя, который, как Заратустра, мог даровать приятное бессмертие любому человеку, независимо от его расы, кто верил правильным догмам, сохраняя свой разум в состоянии временного бездействия.

Непосредственное воздействие Талмуда на Коран исключено, потому что Талмуд всюду демонстрирует враждебность Иисусу «Нового Завета» и его преемникам, включая Бар-Кохбу, потому что эти Христы не реализовали настоящую крупномасштабную резню арийцев. Если бы было эффективное влияние Талмуда на Мухаммеда, то Мухаммед, конечно, воздержался бы от признания божественности рассматриваемого Иисуса, и не представлял бы себя как его преемника. Ислам строго сопоставим со многими христианскими сектами, например, хагглетонианцами, шейкерами, мормонами, анабаптистами из Лейдена, Избранными Шилоя (последователи Джоанны Сауткотт), и другими, которые дали их Иисусу божественно назначенного преемника или помощника. История Мухаммеда была смоделирована по образцу христианской легенды: непорочное зачатие, конечно, *обязательно* для всех Спасителей, но намного менее распространено утверждение, что мать Спасителя осталась девственницей даже после родов, как это утверждается о Марии в Евангелии от Иакова и в других христианских евангелиях, и как это утверждается о Фатиме (матери Мухаммеда) в мусульманской традиции.

Очень вероятно (см., например, Генри Саггс, *Вавилонская Цивилизация*, (Babylonian Civilisation, by H.W.F. Saggs, London, 1962); переиздана как *«Величие, которым был Вавилон»* (The Greatness that was Babylon, New York, 1968)), что в первой половине шестого века до нашей эры Набонид, последний царь Вавилона, предоставил евреям во владение стратегические оазисы, которые контролировали торговые пути на Аравийском полуострове. Евреи же, в соответствии со

своими расовыми инстинктами, отблагодарили его за это тем, что нанесли ему удар в спину, осуществляя подрывную деятельность в его царстве, и, наконец, предали Вавилон армиям персидского царя Кира Великого. Кир был единственным *гоем*, которого евреи попытались обмануть, приветствуя его как своего Христа (Мессию), и, вероятно, с помощью этой лести, как и благодаря сделке, которую они, несомненно, заключили с Киром прежде, чем предать ему вавилонян, они получили привилегированный статус в Персидской империи. Библия и Иосиф Флавий рассказывают нам, как караван богатых евреев, состоящий из колесниц, нагруженных золотом и серебром, в то время как сотни их рабов-гоев тащились позади колесниц, отправился из Вавилона, чтобы овладеть Иерусалимом и начать эксплуатировать и мучить местное население, в то время как большинство 'избранных' осталось в Вавилоне, чтобы продолжать жить за счет вавилонян, которых они предали. Когда персы захватили Египет, их защита была распространена на орды евреев, которые паразитировали на коренных египтянах.

Аравийский полуостров кишел евреями во времена Мухаммеда; они сначала способствовали его новой религии, точно так, как они помогали распространению христианства в распадающейся Римской империи, и они, несомненно, делали предложения, которые Мухаммед принял, но они устроили заговор против него, когда поняли, что он был менее чем послушен. Об этом кратко рассказано в книге сэра Ричарда Бёртона *Повествование о паломничестве в Медину и Мекку*, которая теперь доступна в Дуврской перепечатке. Мусульмане, как и некоторые христианские секты, были более или менее враждебны к евреям в теории, хотя и не на практике, и почти никаких явных евреев не осталось в Священных Городах, когда Бёртон посетил их (хотя, несомненно, там были евреи, которые приняли арабские имена и исповедовали ислам, чтобы замаскироваться, так же, как среди нас они берут арийские имена и публично имитируют нашу культуру), но вообще ислам, как христианство, гарантировал неприкосновенность евреев взамен маленьких взносов в качестве налога.

Доктрины ислама являются по сути христианскими в том смысле, что в них нет ни одной важной догмы, у которой не было бы аналогий в одной или нескольких из неисчислимых христианских сект прошлого и настоящего, и сам ислам, конечно, расколот на многие расходящиеся секты, которые спорили из-за теологических фантазий. Большинство христианских сект, однако, являются открыто пролетарским и «миролюбивым», осуждающим насилие кроме тех случаев, когда они доходят до безумия в священной войне и наслаждаются бойней «еретиков» ради выгоды евреев. Ислам, однако, был менее лицемерен, и священная война (*джихад*) – это один из кардинальных догматов мусульманской веры (кроме нескольких незначительных и «еретических» сект, которые возникли после Мухаммеда). Это было тайной его успеха. Новая религия была

средством, чтобы объединить враждующие между собой племена Аравии и бросить их на завоевание мирового господства, которое было феноменально успешным, пока арабы сохраняли свою расовую жизненную энергию. Например, им фактически принадлежала почти вся Индия после 1000 года нашей эры и до британского завоевания, и они завоевали Испанию и южную часть Франции, хотя их постепенно изгоняли из Европы, так как тогда наша раса была менее выродившейся и еще не утратила свою волю к жизни.

Ислам, как и христианство, служил целям евреев, внушая суеверие о равенстве рас, уча, что все антропоиды, которые верили в религиозный вздор как догмат веры и избегали рационального мышления, были равными и значительно выше людей, независимо от их расы, которые придерживались какого-то другого суеверия. Или, что было намного хуже, не испытывали иллюзий о реальном мире. Бедные арабы относились к этой ерунде серьезно (Разве не сам Бог сказал это, в своем общении с Мухаммедом?), и подверглись такому сильному расовому смешению, что сегодня единственных настоящих арабов, действительно, единственных настоящих семитов, можно найти в Саудовской Аравии, где некоторые из племен остались дома и благодаря этому избежали большей части смешения, которое уничтожило арабов на тех землях, которые они завоевали. Возможно, конечно, что какого-то араба можно найти тут и там в тех исламских странах, которые пресса называет «арабскими», потому что люди там говорят на том или ином диалекте арабского языка (Египет, Ирак, Сирия и т.д.) Но население этих стран – это масса полукровок.

Есть одно заметное различие между исламом и христианством в их генетически опасных воздействиях, одинаково приятных евреям. За исключением некоторых ранних христианских сект, которые были истреблены, когда Отцы церкви пробрались к власти и начали убивать своих конкурентов, христианство на протяжении большей части своей истории навязывало безбрачие и гомосексуализм довольно значительной части нашей расы, включая некоторых из ее самых умных членов, через духовенство и монашество, и разрушало семьи и семейную собственность, запрещая браки между даже довольно отдаленными родственниками. Ислам, с другой стороны, предписывал многоженство и поощрял мусульман наполнять свои гаремы, и рожать детей от женщин всех самых различных рас. Именно поэтому арабский генофонд растворился и был ликвидирован намного быстрее нашего.

Многие христианские секты были более или менее теоретически антисемитскими в прошлом, и некоторые все еще утверждают, что они таковыми и остались, но святые мужи не могут сопротивляться самому бесспорному откровению воли Господа, деньгам, и теперь, когда евреи имеют действительный контроль над финансами всех стран, которые когда-то принадлежали нашей расе, различные

христианские секты ведут себя именно так, как раввин Шиндлер предсказал еще столетие назад: они как заблудшие дочери возвращаются домой к своей доброй еврейской маме.

- Ноябрь 1981 г.

КТО ЗА ДЕМОКРАТИЮ?

(Отрывок из книги Р. Оливера «Популизм и элитизм», 1982)

Демократия, в правильном, джефферсоновском смысле этого слова, все еще оказывает большое влияние на мышление наших современников, хотя ни один практический пример демократии нельзя найти в современном мире. Это теория, которая впервые была сформулирована в демократических государствах Древней Греции и никогда не была полностью забыта с того времени. Эта теория породила средневековый афоризм *vox populi, vox Dei* («глас народа – глас Божий»), который, насколько мне известно, был впервые процитирован Алкуином, который высмеивает его. И она появляется в произведениях сотен современных писателей, которые в той или иной форме защищают концепцию правления большинства. Хотя теперь она сводится к простой теории, у нее все еще есть свои прелести и вызывает некоторые странные тенденции у людей, которые достаточно умны, чтобы различать демократию и обычную практику загонять стада двуногого крупного рогатого скота на избирательные участки и подсчитывать их носы.

«Популисты» должны, прежде всего, помнить о том, что демократия Джефферсона не была предназначена для Тимбукту, Фиджи или Эревона. Она была разработана для тринадцати колоний, которые только что завоевали свою независимость – для конкретных людей в исторически уникальной ситуации.

Эти колонии приблизились к тому, чтобы быть нацией в основном смысле этого слова «*natio*»; большое племя, образованное людьми, связанными родством и рождением, то есть, общество расово однородных людей. Колонии были населены англичанами, шотландцами (включая некоторых из Ирландии), немцами, голландцами, скандинавами и французами. Все они были арийцами, и большинство из них были людьми нордического типа. Единственными расовыми чужаками были евреи, но в то время их было сравнительно мало, их разрушительное воздействие было скрытым и почти незаметным, и их презрение к глупым арийцам скрывалось за их варварской религией и их привычным нытьем о «пресле-

довании». Среди лидеров революции только Франклин, кажется, четко осознал угрозу, исходящую от этого тайно враждебного анклава.

Конечно, на континенте было много аборигенов, но они были изгнаны на незаселенные территории и не составляли никакой части американского населения. В колониях было много конгоидов (негров), но они были домашним скотом, и до 1800-х годов очень немногие американцы считали этих животных опасными. Даже позже многие из самых решительных противников рабства отвергали как излишне эмоциональное пророческое неприятие Джефферсоном рабства, которое он страстно включил в свой проект Декларации независимости.

Большей частью противодействие рабству исходило от сентименталистов и религиозных фанатиков, на которых Джефферсон смотрел с презрением. Его несогласие с рабством опиралось на практические аргументы. (7) Он увидел в многочисленных и плодовитых конгоидах угрозу расовой целостности новой нации, и он осознавал потенциальную опасность сохранения на нашей территории такого большого и все возрастающего количества биологически низшей и дикой по своей природе расы. Он предвидел, что, если бы они были освобождены, то они бы «загрязнили кровь» нашей расы, совокупляясь с выродившимися белыми и таким образом порождая неестественные гибриды. Из этого следовало, что «когда [негр] освобожден, его следует удалить туда, где он не сможет смешиваться» (с белыми). Джефферсон считал невозможным предотвратить будущее освобождение рабов так или иначе. ««Ничто более определенно не написано в книге судьбы, чем то, что эти люди должны быть свободными, и не менее определенно и то, что эти две расы не смогут жить в одном государстве... природа, привычка, восприятие провели непреодолимые грани, их разделяющие». (8) Катастрофу можно предотвратить только путем вывоза быстро размножающихся антропоидов в Африку или в какое-то более близкое и удобное место, особенно остров Эспаньола, после того, как это станет возможно. Джефферсон разработал несколько планов сделать эту необходимую меру защиты американской свободы экономически осуществимой, но трагическая слепота его современников не позволила принять ни один из этих планов.

(Сноска 7. В позиции Джефферсона был небольшой гуманитарный элемент. Рабов, которых конгоиды продавали предпринимателям (многие, но не все, из этих работорговцев были евреями), отправляли через Атлантику, битком набитыми в суда работорговцев. В этих судах они должны были находиться несколько недель и даже месяцев в настолько плохих условиях, что арийцы (или, по крайней мере, нордические люди) не хотели бы видеть подобных страданий каких-либо млекопитающих. Джефферсон чувствовал сильное отвращение к не-

уместной жестокости по отношению к разумным млекопитающим, что характерно для нашей расы и явно отсутствует в других расах. Джефферсон был также глубоко обеспокоен моральными последствиями рабства для многих рабовладельцев.)

(Примечание 8. Мемориал Джефферсона – самое красивое здание в Округе Коррупции. Это архитектурная драгоценность, и, больше того, он подобающий и уместный, поскольку именно этого хотел бы Джефферсон. Однако он был испорчен надписью, помещенной на одной из внутренних стен, поскольку там приведена первая часть этого предложения и упущены слова, которые я выделил курсивом. В таком виде эта надпись, таким образом, косвенно клеветает на Джефферсона и, конечно же, предназначалась для обмана посетителей, которые не знали полной фразы. Можно много сказать о том, что «либеральные интеллектуалы» являются маниакальными лжецами.)

Для джефферсонской демократии независимое и расово однородное население, состоящее из людей нордического типа, является лишь первым необходимым условием, потому что и внутри нашей расы существует большое неравенство. Это правда, что Джефферсон вложил в свою Декларацию независимости дикое напыщенное выражение, столь же волнующее и драматичное, как и боевой клич, утверждая, что «все люди созданы равными». Он не был идиотом и не мог иметь в виду ничего такого абсурдного, как это иногда допускается. Он имел в виду, что все англичане должны быть равны перед законом. Джефферсон был противником классовой структуры английского общества и аристократии, большая часть которой была создана королями и получившими дворянство парвеню, часто за самые постыдные услуги, так что бесполезным в общественном и моральном отношении людям были предоставлены особые привилегии, просто потому что они были потомками людей, которые, правильно или неправильно, были возведены в звание пэров. Джефферсон признавал, конечно, биологическое неравенство всех людей: «Я согласен с идеей, что среди людей существует естественная аристократия. Основы для нее — это добродетель (9) и таланты. ... Существует также искусственная аристократия, основанная на богатстве и рождении, но без достоинства и талантов, ибо с ними она принадлежала бы к первому классу».

(Сноска 9. Во времена Джефферсона «добродетель» по-прежнему сохраняла свое правильное значение, обозначая *мужественное* превосходство, в том числе мужество и безупречность, что проявляется как в моральной, так и в интеллектуальной честности. Печально, что столь полезное слово было извращено ку-дахтаньем христианских пропагандистов.)

Чтобы обеспечить доминирование естественной аристократии, Джефферсон полагался на свой проект образовательной системы, которая постепенно определяла бы людей высшего уровня, устраняя на каждом этапе после самого первого врожденно низших. Строгая дифференциация препятствовала бы карьерному росту людей за рамки того статуса, для которого они подходили по своей природе. Джефферсон считал эту систему отбора настолько жизненно важной для выживания нации, что он, как и в своем знаменитом основании Университета Вирджинии (Виргинский университет), считал, что строго светское и культурное образование, основанное на классических языках, истории и точных науках и исключаящее все суеверия, должно финансироваться и поддерживаться за счет налогов. Английский язык содержит так мало обличающих и бранных слов, что я не могу представить, что сказал бы Джефферсон, если бы он предвидел то моральное и ментальное разложение, которое сделало возможным захват государственных школ огромной бандой мошенников, саботажников и дураков, превративших эти школы в ужасную машину для насаждения самых причудливых и вредных суеверий и деформирования умов детей, что приводит к детскому параличу головного мозга.

[В электронном издании пропущены четыре следующих абзаца. – Ред.]

Я не пытался дать краткое изложение мыслей Джефферсона, а только хотел показать, какие условия являются предпосылкой для той демократии, за которую он выступал. Если мы хотим создать такую истинную демократию, то мы должны сначала создать условия, в которых она возможна. Сторонникам демократии придется начать депортацию, «распыление» или иное избавление от толп евреев, конгоидов, монголоидов и ублюдков, которые теперь наводняют нашу территорию и становятся все более многочисленными и дерзкими в своей непримиримой ненависти к нам. Я не могу сходу предложить пригодный способ провести эту незаменимую чистку населения, но я готов поверить, что эта чистка все еще может быть выполнена. Предположим, что вы сократили население до арийцев, чтобы снова иметь расовую однородность. Простите мне мою бестактность, дорогой патриот, но я должен напомнить вам, что больше половины, намного больше половины тех прекрасных арийцев составят люди, которые сейчас выписывают чеки, когда пастор Джерри Фалуэлл и люди подобного ему зловонного вида обхаживают простофиль со стеклянным взглядом; которые с радостью платят бюрократам, нанятыми для того, чтобы задирают и оскорбляют мазохистов; которые с радостью отправляют своих детей в деградацию и грязь «интегрированных» школ (школ, где вместе учатся белые и черные – прим. перев.); которые, подобно прирожденным рабам, съеживаются в страхе перед головорезами из Налоговой службы и надеются только на то, что смогут каким-то мошенническим путем заработать несколько баксов здесь и там, не навлекая на себя наказания со стороны своих хозяев; которые теперь даже думать не хотят

о выживании своей добровольно униженной и оскверненной расы; которые настолько утратили мужественность, что терпят самое ужасное рабство. Это и есть освобожденные граждане, от которых вы ожидаете, что они будут сами управлять собой с помощью свободных выборов, на которых большинство сделает разумный выбор! Или вы рассчитываете на какое-то чудо лидерства и вдохновения, которое переделает этих мышей в людей? Или вы намерены, совсем недемократично, лишит избирательных прав арийское большинство в надежде на то, что они, как и люди, искалеченные в результате несчастного случая или войны, смогут передать своим потомкам генетическое наследие, свободное от их собственных уродств, так что будущее поколение нашей расы восстановит мужественность, самоуважение, разум, которые сегодня утратили их предки?

Я знаю, что то, что я только что сказал, заставит многих благонамеренных и сентиментальных американцев разнервничаться или вызовет у них приступ гнева. Мне жаль, но я напоминаю им, что не я проектировал вселенную. Не я создавал реалии биологии и истории. И человек, претендующий на то, чтобы быть демократом, подобно принцессе-эльфийке, вышедшей замуж за смертного, должен отведасть горькое вместе со сладким.

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив](#) сайта!

Велесова Слобода, 2018 г.